значительно сузилась. Оттенки, разделявшие правительственных критиков различной ориентации, стали казаться менее существенными, а объединявшее их отрицательное отношение как к личности Екатерины II, так и к созданной ею системе, — основным и главным. Оппозиционные настроения захватили и правительственные верхи. Особенно они ощущались в среде русских заграничных дипломатов. В этом сказывалась и традиция долгое время руководившего дипломатическим корпусом Н. Панина, и экстерриториальность положения, дававшая возможность обсуждать вопросы, которые в России оставались запретными даже для вельмож высшего ранга.

Следует отметить, что интересы практической политики в последней трети XVIII в. неоднократно сближали передовых общественных деятелей с оппозиционными вельможами: разница программ и убеждений показалась менее существенной, чем общность практического неприятия правительственного деспотизма. Дружба Фонвизина и Панина,[56] Радищева и А. Р. Воронцова была фактом идейной жизни XVIII в., а не только фактом их биографий (в определенном смысле можно сказать, что Державин слил в своем лице оба элемента этого типологического союза). В этом же ряду следует рассматривать сближение Карамзина и С. Р. Воронцова.

С. Р. Воронцов был, бесспорно, самой выдающейся фигурой среди русских оппозиционных дипломатов, и одно время казалось, что ему предназначено крупное место в организации антидеспотического фронта. Образованный, много путешествовавший, блестящий собеседник, независимый в мнениях и следящий за всеми новинками публицистики 1790-х гг., С. Р. Воронцов в обществе доверенных лиц не скрывал своего критического отношения к положению политических дел в России. Его слово много значило в кругах, оппозиционных Екатерине II, а позже к нему явно тяготела группа «молодых», сплотившихся при Павле вокруг наследника престола. Отправляя своего сына — М. С. Воронцова в Россию, он снабдил его письмом, в котором выразил свое политическое кредо: русский деспотизм не отличается от турецкого. Не следует обольщаться добротой нового царя (письмо писано в апреле 1801 г.) — не личная доброта, а непременные законы могут гарантировать от деспотизма: «Современное положение страны есть лишь временное облегчение от тирании, и наши соотечественники похожи на римских рабов во время сатурналий, после которых они снова становились рабами».[57]

Деспотизму Екатерины II братья Воронцовы склонны были противопоставлять подчеркивание положительных моментов в цар-

---

[56] См.: *Гуковский Г. А.* Фонвизин. — В кн.: История русской литературы. М.—Л., 1947, т. IV, с. 159—171; *Макогоненко Г. П.* Денис Фонвизин. М.; Л., 1961, гл. VI и IX. Соотношение воззрений Радищева и А. Р. Воронцова и характер их дружбы еще ждут исследования.

[57] Архив кн. Воронцова. М., 1780, кн. XVII, с. 6.